

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ИДИОМАТИКА В ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 811.161.1

Цэрэндорж Цэцэгмаа

Монгольский государственный университет науки и технологий
(г. Улан-Батор, Монголия)
tsetsegmaa_ts@yahoo.com

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ А. С. ПУШКИНА

Настоящее исследование посвящено анализу особенностей отбора и употребления фразеологических единиц, использованных в текстах А. С. Пушкина, с точки зрения стилистики. В статье внимание уделено сопоставлению отобранного языкового материала с фразеологическим составом русского языка в целом, а также выявлены особенности употребления фразеологических единиц, использованных автором.

Ключевые слова: литературный язык, Пушкин, стилистика, фразеология.

This research is devoted to the analysis of the features of the selection and use of phraseological units used in the texts of A.S. Pushkin, from the point of view of stylistics. The article focuses on the comparison of the selected linguistic material with the phraseological composition of the Russian language as a whole, and also reveals the features of the use of phraseological units used by the author

Keywords: literary language, Pushkin, stylistics, phraseology.

Об особенностях использования языковых средств в произведениях Пушкина написано достаточно много. Приведем здесь лишь некоторые мысли А. И. Федорова, одного из крупнейших исследователей творчества Пушкина: «Пушкин-реалист впервые в русской литературе освободил стиль текста художественного произведения от тех ограничений в отборе языковых средств, которые определялись жанром, что предписывалось эстетическими принципами классицизма, сентиментализма и романтизма. В одном и том же произведении стало возможным сочетание стилистически разнородных контекстов, каждый из которых, выражая со-

держание, передавал месте с тем авторское эмоциональное отношение к предмету высказывания»; «Стилистическая реформа Пушкина, сформировавшаяся в практике его художественного реалистического творчества, определила новый подход к употреблению языковых средств из разных источников. Выбор языковых средств и их соединение в тексте как в едином целом стали зависеть от потребности писателя с максимальной точностью реализовать замысел через систему образов. Поэтому текст произведений Пушкина представляет собой не эклектическое совмещение разностилевых элементов, а органическое единство, в котором каждая языковая единица занимает свое место. Не жанр, а конкретная мысль и переходы чувства стали определять движение стиля в пределах текста произведения» [1, с. 153]. Дополним эти положения некоторыми наблюдениями над использованием фразеологических единиц с разной стилистической окраской в текстах Пушкина.

Книжная фразеология используется поэтом, в первую очередь, в тех жанрах литературы, которые традиционно относятся к так называемым «высоким» жанрам. Это оды, элегии, послания, гражданская и философская лирика. Например: «*Счастливыцы! — мыслит он, — почто не можно мне Страстей бунтующих в смиренной тишине, Забыв о разуме и немощном и строгом, С одной лишь верою повернуться пред богом!*» *Напрасный сердца крик! Нет, нет, — не суждено Ему блаженство знать!* («Безверие»); «*Гусар! всё тленно под луною; Как волны следом за волною, Проходят царства и века*» (Усы. Философическая ода); «*Девы, радости моей Нет! на свете нет милей, Кто посмеет под луною Спорить в счастья со мною*» (С португальского); «*Ни здесь, ни там, скажу я смело, Являться впрочем не хочу; Но твой альбом другое дело, Охотно дань ему плачу*» (И. В. Сленину); «*Давно ли с трепетом народы Несли мне робко дань свободы, Знамена чести преклоня*» (Наполеон на Эльбе); «*Но полно! в жертву им свободы Мечтатель уж не принесет; Пускай их юноша поет. Любезный баловень природы*» (Разговор книгопродавца с поэтом); «*Косматый баловень природы, И математик, и поэт, Буян задумчивый и важный, Хирург, юрист, физиолог, Идеолог и филолог, Короче вам — студент присяжный, Свитою трубкою в зубах, В плаще, с дубиной и в усах Явился в Риге*» (Послание Дельвигу).

Отметим, что в такого рода текстах, книжная фразеология используется не так часто, значительно больше книжных фразеологических единиц встречается в текстах поэм, трагедий, однако, с точки зрения функционального назначения, в этих текстах они выполняют ту же роль, что и в отмеченных выше жанрах лирики. Например: «*Ты видел Новгород;*

ты слышал глас народа; Скажи, Рогдай — жива ль славянская свобода? Иль князя чуждого покорные рабы Решились оправдать гонения судьбы?» (Вадим); «[Старик:] Я рад. Останься до утра Под сенью нашего шатра Или пробудь у нас и доле, Как ты захочешь. Я готов С тобой де-лать и хлеб и кров. Будь наш — привыкни к нашей доле» (Цыганы); «Он, должный быть отцом и другом Невинной крестницы своей .. Безумец! на закате дней Он вздумал быть ее супругом» (Полтава); «Мария, бедная Мария, Краса черкасских дочерей! Не знаешь ты, какого змия Ласкаешь на груди своей» (Полтава); «И во всю ночь безумец бедный Куда стопы ни обращал, За ним повсюду Всадник Медный С тяжелым топотом скакал» (Медный всадник); «Но явно счастье боевое Служить уж начинает нам. Пальбой отбитые дружины. Мешаясь, падают во прах» (Полтава); «Друзья кровавой старины Народной чаяли войны, Роптали, требуя кичливо, Чтоб Гетман узы их расторг» (Полтава); «Святая Русь, Отечество! я твой! Чужбины прах с презреньем отряхаю С моих одежд — пью жадно воздух новый» (Борис Годунов); «Известно то, что он слугою был У Вишневецкого, что на одре болезни Открылся он духовному отцу, Что гордый пан, его проведая тайну, Ходил за ним, поднял его с одра И с ним потом уехал к Сигизмунду» (Борис Годунов).

Значительное число таких фразеологических единиц используется в текстах научного и официального характера. Это, в основном, подготовительные материалы и тексты, отражающие научные разыскания Пушкина, например: «Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя» (Материалы для заметок в газете «Дневник»); «Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, через меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации» (Джон Теннер); «Предание гласит, что Петр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отпустил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве за убийство Бековича» (История Петра. Подготовительные тексты); «Сто лет минуло, как тевтон В крови неверных окупался; Страной полночной правил он. Уже прусак в оковы вдался, Или сокрылся, и в Литву Понес изгнанную главу (Сто лет минуло, как Тевтон) и др.

Наряду с такого рода употреблением в текстах Пушкина наблюдается нетрадиционное использование книжных фразеологических единиц. Например: «Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на

нем свою неизгладимую печать» (Дубровский); «Я с ясною душою Пускаю ныне в новый путь От жизни прошлой отдохнуть» (Евгений Онегин); «Ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию» (Дубровский).

При употреблении в стилистически нейтральном контексте оттенок книжности у фразеологических единиц нейтрализуется. Однако таких случаев употребления в текстах Пушкина сравнительно немного. Значительно больше случаев использования книжных фразеологических единиц в контекстах и речевых ситуациях, чуждых книжности, т. е. в условиях обиходно-бытовой, разговорной, непринужденной, фамильярно-дружеской речи. В таких случаях книжная фразеологическая единица приобретает шуточный или иронический оттенок. Например: «Еще приятнее в молчанье Ему готовить честный гроб И тихо целить в бледный лоб На благородном расстоянье; Но отослать его к отцам Едва ль приятно будет вам» (Евгений Онегин); «Кто ты, мой ангел ли хранитель, Или коварный искуситель: Мои сомненья разреши» (Евгений Онегин); «Куплетом ранен он, низвержен в прах Журналом, При свистах критики к собратьям он бежит» (К Жуковскому). Обычно такое употребление встречается и в текстах писем: «Этот Louis-Philippe у меня как бельмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемся — тогда Лев Сергееч поедет опять пожинать, как говорит у нас заседатель, лавры и мирты» (Н. Н. Пушкиной. 6 ноября 1833 г. Болдино).

Анализ использования книжной фразеологии в текстах Пушкина показывает достаточно ограниченную сферу и определенную «специализацию» их использования. Как правило, книжная фразеология не выходит за пределы указанных выше жанров и типов текста. Сказанное можно проиллюстрировать, например, контекстами использования фразеологической единицы под сенью 1. Под защитой, под покровительством. «Быть может и теперь, от шума удалясь И с глупой музою навек соединясь, Под сенью мирною Минервиной эгиды Сокрыт другой отец второй «Телемахиды» (К другу стихотворцу); «Где Зевса гром молчит, где дремлет меч Закона, Свершитель ты проклятий и надежд, Ты кроешься под сенью трона, Под блеском праздничных одежд» (Кинжал); «Любовью, дружеством и ленью Укрытый от забот и бед, Живи под их надежной сенью: В уединении ты счастлив: ты поэт» (Дельвигу); «Недаром напрягала силы, Недаром потрясала брань Олимп и Пинд и Фермопилы. Под сенью ветхой их вершин Свобода юная возникла, На гробах Перикла, На мраморных Афин» (Восстань, о Греция, восстань); «Искулены его стяжанья И зло воинственных чудес Тоскою душоного изгнания Под сенью чуждою небес» (Наполе-

он); «Вас вновь я призывал, о дни моей весны, Вы, пролетевшие под сенью тишины, Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной...» (К ней); «Покамест сон прелестный Под сенью тихих крил, В обители безвестной Меня не усыпил, Морфея в ожиданьи, В постеле я лежу» (Послание к Галличу); «О, жены чистые пророка, От всех вы жен отличены: Страшна для вас и тень порока. Под сладкой сенью тишины Живите скромно: вам пристало Безбрачной девы покрывало» (О, жены чистые пророка); 2. Под покровом, укрытием чего-либо. «[Старик:] Остаься до утра Под сенью нашего шатра Или пробудь у нас и доле, Как ты захочешь» (Цыганы); «И вот под сенью обветшалой Старик седой! Пред ним вязанки прозы вялой, Псалтырь в десной» (Из лицейского дневника 1815 г); «В молчаньи ужаса, в безумстве исступленья Дрожит, и между тем под сенью темных ив, У гроба матери колена преклонив, Там дева юная в печали безмятежной Возводит к небу взор болезненный и нежный» (Безверие); «Завидую тебе, питомец моря смелый, Под сенью парусов и в бурях поседель! Спокойной пристани давно ли ты достиг» (Завидую тебе, питомец моря смелый); «Под сенью потаенной Дубравной тишины, Где ток уединенный Сребристыя волны Журчит с унылой Филомелой, Готов приют любви веселый И блеском освещен луны» (К Делии); «В роскошном сумрачном покое, Средь обольстительных чудес, Под сенью пурпурных завес, Блестает ложе золотое» (Клеопатра); «Под сенью хаты скромной, В часы печали томной, Была ты предо мной С лампадой и Мечтой» (К моей чернильнице); «В деревне.. Скрывался прадед мой Арап, Где, забыв Елисаветы И двор и пышные обеты, Под сенью липовых аллей Он думал в охлажденные леты О дальней Африке своей» (К Языкову); «Смирив немирные желанья, Без долимана, без усов, Сокроюсь с тайною свободой, С цевницей, негой и природой Под сенью дедовских лесов» (Орлову); «Под сенью гор Тавриды отдаленной Певец Литвы в размер его стесненных Свои мечты мгновенно заключал» (Сонет).

Группа разговорных фразеологизмов является самой объемной: бог весть, как бог свят, боже упаси, под боком, брать на свой счет, не брать в руки, бродить в голове, как ни в чем не бывало, как ни верти, что за вопрос, глядеть косо, не без греха, что греза таить, не дать в обиду, о двух головах, на деле, дело врозь, дело доходит до петли, держать в ежовых рукавицах, не думал не гадал, в духе, то здесь то там, на каждом шагу, к какой стати, легко сказать, лезть в петлю, на лице написано, с лихвой, мало ли что, нести вздор, нога не будет, одну минуту, не переводя духу, побойся бога, подбру-поздорову, не в радость, рука не дрогнет и мн. др. Живая разговорная речь активно использо-

валась Пушкиным, особенно в прозаических текстах, однако следует отметить, что выражения из устной речи проходят строгий отбор. Диалектизмы, профессионализмы, грубо-просторечная фразеология и бранные выражения почти не употребляются. «Пушкин вводил в литературу лишь то, что было общепонятно и могло получать общенациональное признание» [2, с. 257].

Насколько широк диапазон использования в текстах Пушкина разговорной фразеологии, можно проиллюстрировать следующими примерами: фразеологическая единица чем бог послал: «Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе, чем бог послал, по-солдатски. Я с охотой согласился» (Капитанская дочка); «Милости просим, мои благодетели, завтра вечером у меня попить; угощу, чем бог послал» (Гробовщик); «Мы слезли с лошадей и стали обедать чем бог послал» (Путешествие в Арзрум); чем бог пошлет: «[Хозяйка:] Чем-то мне вас потчевать, старцы честные? [Варлаам:] Чем бог пошлет, хозяйюшка. Нет ли вина?» (Борис Годунов); не беда: «Любопытство будет возбуждено; правда, итальянский язык у нас не в употреблении, вас не поймут; но это не беда; главное — чтоб вы были в моде» (Египетские ночи); «Там напечатано глупца философа; зачем глупца? Стихи относятся к Американцу Толстому, который вовсе не глупец; но лишняя брань не беда» (Н. И. Гречу. 21 сентября 1821 г. Кишинев); «Жаль мне, что ты моих писем не получал. Между ими были дельные; но не беда» (П. А. Плетневу. 22 июля 1831 г. Царское Село); «Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т. е. третью, и уехал. Ты подумаешь: ну, это еще не беда» (Н. Н. Пушкиной. 2 сентября 1833 г. Нижний-Новгород); не тут-то было: «Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном; не тут-то было! блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою» (Путешествие в Арзрум); «Он думал Оленьку смутить, Своим приездом поразить; Не тут-то было: как и прежде, На встречу бедного певца Прыгнула Оленька с крыльца» (Евгений Онегин); «На другой день, гляжу, катят ко мне прямо на двор; я думал, кого-то бог несет, уж не князя ли Александра Даниловича? Не тут-то было: Ивана Евграфовича!» (Арап Петра Великого); «Приехал в деревню, думал распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень» (В. Ф. Одоевскому, 30 октября 1833 г. Болдино); в двух шагах: «Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть» (Дубровский); «Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина» (Державин); «В двух

шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество» (А. А. Дельвигу. Середина декабря 1824 г. первая половина декабря 1825 г. Михайловское); то и дело: «Негде, в тридевятом царстве, В тридесятом государстве, Жил-был славный царь Дадон. С молодю был грозен он И соседям то и дело Наносил обиды смело» (Сказка о золотом петушке); «А кто всему виноват? Проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: «Мадам, же ву при, водкю» (Капитанская дочка); «Московский император, проникнутый радостью, которую он не давал себе труда скрывать .. принимал на поле битвы пленников, которых ему приводили толпой, то и дело спрашивая: «А где же мой брат Карл? ..» (Полтава. Примечания А. С. Пушкина); как знать: «Души неопытной волненья Смирив со временем (как знать?), По сердцу я нашла бы друга, Была бы верная супруга И добродетельная мать» (Евгений Онегин); «[Альбер:] Ужель отец меня переживет? [Жид:] Как знать? Дни наши сочтены не нами; Цвел юноша вечер, а нынче умер, И вот его четыре старика Несут на сгорбленных плечах в могилу» (Скупой рыцарь); «[Альбер:] Быть оруженосцем у такого рыцаря, как я, не шутка: ведь уж это ступень. Со временем, как знать, тебя посвятим и в рыцари — многие так начинал» (Сцены из рыцарских времен); «Как знать, и мне, быть может. Печать свою наложит Небесный Аполлон» (Городок); «Я трепещу, и сердце сильно бьется, И, может быть, читатели, как знать? И ваша кровь с стремленьем страсти льется» (Монах. Кишинев); «Ах вы детушки, медвежатухи, Перестаньте играть, валяться, Боротися, кувыркатися. Уж как знать на нас мужик идет» (Сказка о медведихе); «Итак, милый друг, подождем еще два, три месяца — как знать, — может быть к новому году мы свидимся, и тогда дело пойдет на лад» (Я. Н. Толстому. 26 сентября 1822 г.); нет как нет: «Но прежних лет Уж не дождусь: их нет как нет! Пирьы, веселые ночлеги И наши буйные набеги — Могилу брата все взяла» (Братья разбойники); «Она придет: но вот уж ночь, И скоро месяц уж покинет Небес далеких облака; Земфиры нет как нет, и стынет Убогий ужин старика» (Цыганы); «Пахомовна, у нас что свисти, что нет: а денег все нет как нет» (Дубровский); «За невестою своей Королевич Елисей Между тем по свету скачет. Нет как нет! Он горько плачет, И кого ни спросит он, Всем вопрос его мудрен» (Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях); по пятам: «Михельсон из Арзамаса устремился за Пугачевым. Муфель из Симбирска спешил ему же навстречу. Меллин шел по его пятам» (История Пугачева); «Между тем изменники, умножив свою сволочь, побежали к Саранску и Пензе, быв преследуемы по пятам корпусом усердного полковника Михельсона» (Приложения к

«История Пугачева»); «Одна<ко> сей отряд гнал его по пятам, не давая ему ни в какой крепости останавливаться» (Материалы к «История Пугачева»); «Цензура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть верный страж благоденствия частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шалливых ребят» (Мнение И. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной).

Как видно из примеров, разговорная фразеология широко используется в текстах самого разного жанра, причем не только в речи персонажей, но и в авторской речи, не только в стилистически сниженных, но и стилистически нейтральных контекстах.

Просторечная фразеология, также как и фразеология книжная, по сравнению с разговорной имеет очень ограниченную сферу использования. Тексты, в которых, как правило, используется просторечная фразеология, ограничены письмами (основная часть), а также записями дневникового характера и путевыми заметками, т. е. такими типами текстов, которые связаны с выражением авторских оценок. Например: «Один из адъютантов отправился курьером в Италию. Явился к графу М ..., объявил ему приказ светлейшего и предложил тот же час садиться в тележку и скакать в Россию. Благородный виртуоз взбесился и послал к чорту и П<отемкина> и курьера с его тележкой» (Table-talk); «Если согласие мое, не шутя, тебе нужно для напечатания Разбойников, то я никак его не дам, если не пропустят жид и харчевни (скоты! скоты! скоты!), а попа — к чорту его» (А. А. Бестужеву. 29 июня 1824 г. Одесса); «Ей богу, Ваше сиятельство, больше стоит. Она мне досталась по оказии и по знакомству; право не грех прибавить рублей сто» (П. А. Вяземскому. 3 июля 1831 г. Царское Село); «Об этом зимою не грех бы подумать, хотя в одиночку, хоть комитетом» (Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной. 4 декабря 1824 г. Михайловское); «Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли» (Дубровский); «Он <Дельвиг> открывает нам глаза и мы видим, что мы в дураках» (П. А. Плетневу. 7 января 1831 г. Москва); «А то, мой друг, суди ты сам: Два раза заглянул, а там Уж к ним и носу не покажешь» (Евгений Онегин); «Получил я, любезный Плетнев, и письмо и 1500. Ты умно делаешь, что сидишь смиренно в своей норе, и носу не показываешь в проклятом некогда мною П.<етер>Б<ур>ге» (П. А. Плетневу. 3 августа 1831 г. Царское Село).

Следует отметить, что «до Пушкина простонародные и просторечные единицы речи употреблялись только в текстах художественной литературы низкого стиля, главным образом с целью стилизации грубой нелите-

ратурной речи. У Пушкина эти средства используются как оценочные с прагматической целью, передавая непосредственное отношение автора к изображаемому» [1, с. 153].

В тех же случаях, когда просторечная фразеологическая единица попадает в текст художественного произведения, она, как правило, фигурирует в речи персонажей. Например: «*Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник, — какой барин, какой Владимир Андреевич? барин ваш Кирила Петрович Троекуров, слышите ли, олухи. — Как не так, — сказал тот же голос*» (Дубровский); «*Деньги! потому что деньги достались ему не дешево, так он и думает, что в деньгах вся и сила — как не так!*» (Сцены из рыцарских времен); «*Вот выдумали штуку! Хотите испытать невесту? — Как не так! Мне? ревновать! Избави боже*» (Насилу выехать решились из Москвы); «*Андрюшка, — закричал я, — отпусти!*» — «*Как не так, — отвечал из-за двери земский. — Сиди-ка сам здесь. Вот ужко научим тебя буяннить да за ворот таскать государевых чиновников!*» (Капитанская дочка); «*Но кто же более всего С Натальей Павловной смеялся? Не угадать вам. Почему же? Муж? — Как не так! совсем не муж*» (Граф Нулин).

Использование просторечной фразеологии наблюдается также в произведениях, построенных на фольклорных текстах. Например: «*К морю лишь подходит он, Вот и слышит, будто стон... Видно, на море не тихо, Смотрит — видит дело лихо: Бьется лебедь средь зыбей, Коршун носится над ней*» (Сказка о царе Салтане); «*Братья молча постояли, Да в затылке почесали. Спрос не грех. Прости ты нас, Старший молвил поклонясь*» (Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях).

Особый случай использования просторечных фразеологизмов наблюдается в текстах эпиграмм, которым такие фразеологические единицы придают язвительный, уничижительный оттенок. Например: «*Вдруг мальчик наш заплакал, затищал .. — Откройся мне, о милый сын натуры, ах! что слезой твой осребрило взор? А тот ему в ответ: Мне хочется на двор*» (Эпиграмма на Шаликова); «*А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами? Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами; Не понимая нас, марашь и дерешь; Ты черным белое по прихоти зовешь; Сатиру пасквилом, поэзию развратом, Глас правды мятежом, Куницына Маратом*» (Послание цензору).

Насколько ограничена сфера использования просторечных фразеологизмов, показывают следующие примеры: фразеологическая единица черт побери: «*Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлисского гастронома!*» (Путешествие в

Арзрум); «А тебе очень хотелось быть на его бале? — Нимало. Черт его поберу с его балом» (На углу маленькой площади ..); «Наши поэты не пользуются покровительством господ, наши поэты сами господа, и если наши меценаты (черт их поберу!) этого не знают, то тем хуже для них» (Египетские ночи); «А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № *Соврем.<енника>*, который будет весь полон Наполеоном? куда бы к стати тут же было заколоть у подножия Вандомской колонны генерала Винценгероде как жертву примирительную! — я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый; бог с ним, черт его поберу» (Д. В. Давыдову. 20-е числа (после 23) мая 1836 г. Петербург); «[Франц:] Черт поберу наше состояние! — отец у меня богат — а мне какое дело?» (Сцены из рыцарских времен); «[Франц:] Да разве это жизнь? Черт ее поберу! — пойду лучше в минстрели» (Сцены из рыцарских времен); чорт поберу кого, что: «Начальство поминутно меня требует: всё ли у тебя исправно? да не ушел ли он? да не зарезался бы он? да доволен ли он? Чорт поберу знатных господ!» (От этих знатных господ ..); «Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Чорт его поберу, дорого бы дал я, чтоб его затравить» (Н. Н. Пушкиной. 14 сентября 1833 г. Симбирск); «Ты мне переслала записку от M-d Kern, дура вздумала переводить Занда, и просит, чтоб я сосводничал ее со Смирдиным. Чорт поберу их обоих!» (Н. Н. Пушкиной. 29 сентября 1835 г. Михайловское); чорт возьми кого, что: «Таким образом обязан я за всё про всё — друзьям моей славы — чорт их возьми и с нею; тут смотри как бы с голоду не околет, а они кричат слава!» (Л. С. Пушкину. 1 апреля 1824 г. Одесса); нелегкое поберу кого: «Беда! злодеи вошли в село. И знаешь ли, Петр Андреич, кто их привел? Швабрин, Алексей Ивановыч, нелегкое его поберу!» (Капитанская дочка).

Таким образом, Пушкин не только активно включает в свои тексты фразеологические единицы с разной стилистической окраской, но и широко использует диапазон оттенков, которые могут получать фразеологические единицы в разных речевых ситуациях.

Литература

1. Федоров, А. И. А. С. Пушкин – преобразователь русского литературного языка / А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1993. – 160 с.
2. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1982. – 528 с.